

УДК 316.33

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-128-138

ГОРОДСКИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ

Шимко А. В.*Государственный университет просвещения**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Предложить систематику городского населения.**Процедура и методы.** Признаковая группировка онтологически равнообразных разрядов явлений.**Результаты.** Продемонстрировано: техника сосредоточения фигур интеракции по таксономическим единицам не имеет линейного представления, обусловлена динамичной координацией видоотличительных параметров соматического, психического, социального, культурного, экзистенциального свойства.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Полученные результаты находят применение в социально-политической рефлексии объёмного процесса урбанизации, принципов поведенческого самозаявления его агента – homo urbanus, равно как и в тематизации вопросов антропной систематики в курсах социальной и политической философии.**Ключевые слова:** город, городские типы, городское население, таксономия, урбанизация

URBAN ANTHROPOLOGICAL TYPES

A. Shimko*Federal State University of Education**ul. Very Voloshinoi 24, Moscow Region, Mytishchi 141014, Russian Federation*

Abstract

Aim. To propose a taxonomy of the urban population.**Methodology.** The characteristic grouping of ontologically diverse categories of phenomena.**Results.** It is demonstrated that the technique of concentrating the figures of interaction according to taxonomic units does not have a linear representation; it is due to the dynamic coordination of species-distinguishing parameters of somatic, mental, social, cultural, existential properties.**Research implications.** The results obtained are used in the social and political reflection of the voluminous process of urbanization, the principles of the behavioral self-manifestation of its agent – homo urbanus, as well as in the thematization of issues of anthropic systematics in courses of social and political philosophy.**Keywords:** city, urban types, urban population, taxonomy, urbanization

Введение

Типология – группировка, систематическое упорядочение, ранжирование признаков родственных, морфологически, функционально схожих явлений фиксированного эмпирического поля. Понятие последних генерализируется «таксонами» – разрядно-иерархическими единицами уподобляемых объектов. В случае городской реальности выстраивание систематики обуславливается учётом неких доминирующих (привилегированных) факторов, позволяющих структурировать материал по инвариантным особенностям, консолидируемым в устойчивые (равнообразные) совокупности-единства – типы.

Городской антропотип ввиду сказанного передаёт отличительные качества самозаявления homo urbanus.

Учитывая многогранную природу сапientа, техника разнесения фигур обмена деятельностью «особей» по классам, не имея линейного представления, неоднозначна, подвижна, определяется динамичной комбинацией видоразличительных поведенческих параметров.

За основу предлагаемой антропотипологии homo urbanus принимается характер исполнения им обусловливаемых его положением в интеракции ролей; исходим при этом из того существенного обстоятельства, что базис высших подразделений антропной систематики полифундаментален – представляет комплексную функцию соматических, психологических, социальных, культурных, экзистенциальных аспектов.

Соматический аспект

Необходимая предпосылка человеческой самореализации (и её концептуализации) – физиологическая нормальность, органическая стандартность, биологическая правильность, делающая осмысленной типизацию. Выход из «порядка» по телесной конституции, исключая введение регулизирующего нормосообразия, предобуславливает выход в систематизацию «патологии».

Палеонтология человечности по выверенному измерению «тело» слагается из учёта гормонального, гуморального, нейрогуморального фона, регулирующего и координирующего физиологическую активность организма через кровь, лимфу, тканевую жидкость. В широком ходу систематика проведения по особенностям вегетативной (симпатической и парасимпатической) нервной системы, модифицирующей деятельность внутренних органов количеством гормонов и медиаторов в биохимических, физиологических процессах.

По присутствию адреналина, норадреналина, дофамина различают: адренало-

вый (А); норадреналовый (НА); смешанный (А+НА) типы, склонные:

- А-тип – к критичному отношению к реалиям;
- НА-тип – к закрытости в общении, властности;
- А+НА-тип – к неумности, эмоциональности [8, с. 177].

В контексте деятельностных диспозиций (беря в расчёт опыт первых лиц – предводителей городов) устремительными воплощениями охарактеризованных типажей оказываются: А-типа – энергичный инициатор; НА-типа – осмотрительный хозяйственник; А+НА-типа – артистичная личность.

На морфологических особенностях «телесно-органического» заострили внимание Кречмер и Шелдон, различавшие в телесной конституции пикнический, атлетический, астенический типажи и связывавшие их с «функционально-поведенческим» через характер высшей нервной деятельности.

Ролевая проекция телесной организации: пикнический тип – поклонник фитнеса, спортивных состязаний, соревнований от участия на любительском уровне до заядлой поддержки любимого клуба; астенический – «ботаник», посетитель музеев, библиотек, театров, интернет-площадок; атлетический – завсегдатай «качалок», развлекательно-увеселительных мероприятий.

Развёртывание соматической парадигмы повлекло усиление мотива нейрогуморальной регуляции физиологических процессов, завершившееся оформлением типологии темпераментов (Гиппократ-Гален-Павлов). Основные их виды:

- меланхолик – депрессивный подавленно-впечатлительный тип;
- сангвиник – активный повышено-возбудимый тип;
- флегматик – пассивный понижено-возбудимый тип;
- холерик – неуравновешенный импульсивно действующий тип, – характеризуют поведение не столько человека городского, сколько вообще человека со стороны ин-

дивидуальной динамической специфики. Хотя сама по себе объективная обстановка городской жизни непосредственно индуцирует те или иные предрасположенности, крены:

– замыкание в себе (меланхолик) при демонстрации несправедливости;

– импульсивности акций (сангвиник) при сознательном выборе, десижонистских ситуациях персонального самоопределения;

– снижение психической активности (флегматик) при недостаточности общественного признания;

– повышение психической активности (холерик) при устойчивом карьерном росте.

Движение в сюжете «соматика» обращает внимание на характерное «сдвигологическое» явление в теоретической философии, связанное с переоценкой фактора «умственное» в ущерб «телесному». Со времён Декарта философия человека стала «трансцендентальной», сосредоточенной на концептуализации антропного как когитального.

Между тем человек есть психо-физическая целостность, понимание чего методологически отменяет как когитальный редукционизм, так и психо-физический дуализм (параллелизм). В восстановлении адекватного взгляда на природу вещей правильно опереться на богатейший опыт рефлексии телесного измерения сапиента, – таковы доктринальные «радикализации животелесности – интуиций дыхания (древнеиндийский психо-космос); растворение тела в потоке жизни (буддизм); вплетение тела в мировой процесс (китайская культурная традиция); фигуративности сцепки «тело-дух» (японская культурная традиция); гармонии (античная доктрина совершенности телесных форм); символичности (христианское отношение к телу как оболочке души)» [7, с. 41–42]. Полезную систематизацию подобных подходов проводит Н. Карпицкий [9, с. 131–163]. Вполне оправдана, таким образом, высказываемая В. Ильиным идея о «неправомерности декартова обоснования

приоритетности мыслительного из универсализации принципа *cosito*; на тех же резонах с тем же успехом обосновывается самоочевидная приоритетность телесного (вариации кинестез – опыт тела), – принцип *corpus*» [7, с. 42].

Психический аспект

Определяя характер – множество своеобразных поведенческих проявлений личности, – психическое опосредует протекание персональных самоактуализаций на богатом интервале от патопсихологических и психодинамических акцентуаций характера (1) до заявления бессознательного (2).

В круг (1) входят хорошо исследованные синдромотипические (на грани с психопатологией) акцентуации, как: циклоидность, гипертимность, кабильность, астеничность, депрессивность, шизоидальность, экстравертированность, интравертированность, эмпативность, эпилептоидность, дисфорийность, параноидальность, аффективность, истероидность, ипохондричность, дистимность, конформность и др.

Круг (2) образуют психоаналитические поведенческие модели, подразделяемые на классические и неклассические подходы к трактовке душевных состояний. Классический подход – собственно фрейдизм, догматически поддерживаемый членами берменского психоаналитического общества. Неклассический подход – модификации фрейдизма учениками, последователями, адептами Фрейда (Юнг, Адлер, Фромм, Райх, Хорни и др.), расширяющими интерпретацию бессознательного присутствием сверхиндивидуальных нелибидозных (социальных, коллективных, космических и т. п.) факторов, что с эпистемологической точки зрения представляет проблему: отсутствие когеренции платформ, имеющих единый концептуальный базис, – маркер неадекватности анцестральной формы.

Условия жизни (происхождение) человека влияют на человеческие качества; естественно, проживание в городской

среде оставляет глубокий след на духовном потенциале. Вместе с тем полагать, будто суверенное духовное начало homo urbanus предопределено средой обитания исключительно, было бы сугубой натяжкой. Между тем именно такой презумпцией руководствуется в версификациях реалий классический психоанализ. Гиперболизируется, как видно, неврозогенная обстановка, порождённая цивилизацией и олигетворяемая городом, которого не избежать и от которого не убежать: исключительно город – источник дохода, культуры, комфорта, признания.

В таком курсе трактовка и понимания под сомнение ставится ни больше, ни меньше, как само достоинство-достояние социального прогресса, без которого не было ни цивилизации, ни города, ни человека. (Ср. с негативистской антипрогрессивной линией Руссо).

Радикальная ошибка психоаналитического взгляда на существо происходящего состоит в предубеждении: культура осложняет жизнь постановкой всё более изощренных запретов [13] (с чем в последующем пытались бороться Райх, Маркузе, призывавшие к раскрепощению инстинктов в культуре).

На деле ресурс культуры на больших исторических дистанциях заявляет социальную толерантность – снимает запреты по мере гуманитарного совершенствования человечества.

Недопонимание сказанного влечёт довольно предвзятую нереалистичную модель города, населённого не гражданами, – репрессируемыми невротиками (от чего в моделировании фактуры по сути не избавились неофрейдисты, отстаивавшие идеологию городского невроза [1; 11; 17]).

Социальный аспект

Человекоподобное – полифундаментально; с наиболее далёких рубежей – нормосообразно, что фундируется физиологической, психической, социальной, культурной регулярируемостью. Упомянутые физиологическая, психи-

ческая нормы задают адекватность самоутверждения на базе отсутствия патологии; социальная норма задаёт причастность «роевому» этосу (правила общежития в лице конституируемых популяцией установлений права, морали, традиций [4]).

Приобщённость обществу обеспечивается выполнением ролей: социальных, гражданских, профессиональных, конфессиональных, кастовых, клановых, сословных, племенных, ранговых, символических обязанностей, вытекающих из статусно-ситуативных положений, завязанных на формальные (официальные, должностные и т. п.) инструкции и неформальные экспектации, обуславливающие предсказуемый распорядок деятельностного обмена.

Нерв социально организованной человечности – гарантийность, обеспечиваемая а) надёжностью ролевых позиций; б) ожидаемостью прямых и обратных поведенческих реакций (в интеракционизме – экстраполяция ролей «генерализированных других» с коррекцией самоутверждений и самооценок).

Двоякообусловленность статусно-ситуативных функций в указанных измерениях конкретизируется специфическим проектированием городской интеракции с упором на publicus – privatus.

В одном – программа благоустройства жилья в городской среде. По принятому в России соответствующему национальному проекту к 2030 г. планируется облагородить: 894 города; 65 тыс. объектов городской инфраструктуры; 27,7 тыс. социальных пространств; 37,6 тыс. дворов. Примеры непосредственной реализации проекта – отстраивание

– набережной Урала в Оренбурге (устройство беговых дорожек, тропинок здоровья, скейт-парка, игровых площадок, автомобильных парковок, навесов, беседок);

– театральной площади в Омске (подвесные качели, игровые площадки, зоны отдыха, подсветка);

– парка «Кашкадан» в Уфе (с новым ландшафтным дизайном, площадками для детей и взрослых, игровыми зонами, сце-

нами, амфитеатрами, пирсами для лодочного катания, рыбной ловли, иллюминацией, поющим фонтаном с высотой струи в 25 м).

В другом – мероприятия по насыщению досуга саморазвитием. Довольно сослаться на опыт столицы, где организуются комфортные пункты для общения с полезными занятиями по поддержанию физической формы для возрастных категорий, приобретением знаний для активной жизни, центрами долголетия.

Учитывая, что многие большие города страны (прежде всего государственная и культурная столица, главные города субъектов федерации) полиэтничны, поликонфессиональны, с целью воспроизводства антропологических особенностей населяющих их малых групп создаются специальные учреждения, обеспечивающие изучение, закрепление, передачу, умножение народного достояния – духовного и материального (промыслы) наследия.

Базис распределения по разрядам городских видов по основанию «социальное» составляет учёт конкретных выполняемых людьми функций:

– homo aestheticus – потребитель художественных символов;

– homo artifex, creator, faber – создатель, производитель, трудящийся на ниве производства материальных и духовных благ;

– homo consumens – потребитель предоставляемых обществом богатств;

– homo eruditus, sciens, litteratus – образованный, учёный, поглощённый самоутверждением на ниве «концептуирования»;

– homo politicus, socialis – публично-политический, обременённый прерогативами, наделённый полномочиями;

– homo liber, pro se – свободный, независимый: городская среда в большей мере, нежели деревенская, предрасполагает к либерально-демократической ориентации;

– homo ludens – отвергая «игру» как фундамент антропогенеза, мы расцениваем её как неотъемлемый атрибут досугово-времяпрепровождения;

– homo novus – город – хороший стартап для встраивания в перспективные социальные лифты.

Культурный аспект

Как механизм выработки, обработки, переработки ценностной формации культура нацелена на производство гуманитарной «идентичности», «толерантности».

Идентичность – многоплановая самоидентификация (от цивилизационной до персональной), в черте города утрирующая понимание корпоративной миссии, поддерживающей «самодостоинство, надлежащую чистоту жизни, цельность сознания» [4]. И через это – купирующей конфликтность, учреждающей когерентный, совместный, сочетаемый способ межвидного взаимодействия.

Во многом прав Мид, толкующий идентичность под углом зрения абсорбирования императивов эффективной жизни малых и больших групп вплоть до национального государства и наднациональных надгосударственных союзов [10]. Главное во всём данном деле состоит в том, что интенсивно коммуницирующие в городской среде агенты, чувствуя взаимную человеческую ответственность, ощущают себя «частями общего целого» [15, с. 369].

Сказанное подводит к оправданной генерализации: идентичность суть социальное самоопределение через встройку в общественный (городской) процесс с выполнением многообразных предписаний всех референтных систем, с какими homo urbanus так или иначе связан и какие позволяют ему позиционировать себя в качестве городского жителя.

Толерантность – интенция на «сглаживание углов», методологически оформляемая как содержательный, эвристический сдвиг с диалектики (учение о противоречии, борьбе противоположностей как источнике развития) к аналектике (учение о гармонизации, блокировании противоречий, поиске консенсуса как индуктора прогресса [7, с. 80]). Городская многоуровневая, полифундаментальная, мозаичная

реальность в её укрощении взыскует стратегии не соперничества, но соработничества, намечающей магистраль оптимального (по принципу Парето: выигрыш одного – не проигрыш другого), гибкого (самоадаптируемого) социального регулирования в ситуации неопределенности – в лапласовском смысле – рискованного сосуществования.

Воплощение толерантной идентичности – особый типаж жителя и управителя города, ориентированных на правозаконность, гибкость, ответственность, гражданский, политический мелиоризм, уважение к оппоненту, недопустимость социо-культурной механизации, радикализации, социальный оптимизм. Выведенный типаж – не казус, но узус, свойственный «просто-человеку» «из народа», проживающему в условиях интенсивной коммуникации, востребующей культивации начал человеколюбия.

Экзистенциальный аспект

Заявление самости в межчеловеческом взаимодействии, достигающее полноты творческой персональной автоэволюции. Здесь именно тот случай, когда самоактуализация «Я» производится в обход налаживанию идентичности с «Мы» (через противопоставление «Я» и «Мы» – «Они») посредством гиперболизации полноценной свободы, достаточности «Я», проецирующего понятие о себе на своё окружение [2].

Социальное пространство, по Сорокину, есть некая вселенная, состоящая из всенародного достояния Земли. Равнообразно экзистенциальное пространство также есть некая Вселенная, только состоящая из всеиндивидуального достояния личности. Определить положение социального явления в социальном многообразии, по тому же Сорокину, означает определить его отношение к «другим социальным явлениям, взятым за такие точки отсчёта» [12, с. 298]. Определить положение экзистенциального явления в экзистенциальном многообразии означает определить его отношение к другим экзистенциальным явлениям и в

первую очередь – к самому себе, взятому за кардинальную антропологическую точку отсчёта.

У истоков изучения человека в социальном пространстве города стояли Теннис, Зиммель, Дюркгейм, Мосс, Хальбвакс, Парк, Вебер, Берджес, Вирт, Шомбар де Лов, Герлин, Кениг, Капель, Харлоу.

Изучением собственно человеческих отношений в антропологическом интерьере города озабочивались Мэйо, Мур, Диксон, Фридман, Лассуэлл, Редфилд, теоретики чикагской школы – Смолл, Знанецкий, Томас и др., привлекавшие внимание к гуманитарным вопросам взаимодействия малых групп, общин, освобождению интеракции от бюрократического давления, властного пресса, организации благоприятного коммуникационного климата в коллективах, достижению согласия на фоне экспансии и гармонизационного государства; правящих элит [18; 19; 20; 21].

Ролевой контур персонализации – единение индивидуального и личностного в человеческом – антропном многообразии городского – представляет, используя лексику Бурдьё, ансамбль просматриваемых связей, формирующих веер самоутвердительных позиций в естественном векторном движении (в языке Редфилда) от «народного общества» через «сельское общество» и от него – к «городскому» как неким «идеальным типам». По учёту проявлений поведенческих фигур самоактуализации, механизмов ценностного обусловливания общественного участия автономизируются более или менее откровенные городские разряды:

– маргинал, аллохтон, лимитчик – заводная неквалифицированная рабочая сила, оказывающаяся источником социально-психологических неурядиц. Достаточно сказать, что в Западной Европе, Скандинавии после 21:00 женщинам без сопровождения не рекомендуют выходить на улицы. Колоссальные сложности с культурной, правовой, поведенческой дезадаптацией иммигрантов отмечаются в районах Новой Москвы, поселенческих центрах Нечерноземья,

Урала, Сибири, Дальнего Востока. С позиций социально-политической философии проблема «городские маргиналы» распадается на две: а) «бедность» – требующий общественной поддержки слой граждан, проживающий за чертой прожиточного минимума (лишь 2 показательных цифры: в 1989 г. в Восточной Европе бедняки составляли 14 млн., тогда как в 1996 г. – уже 168 млн.); уменьшившееся их количество к настоящему моменту не снимает остроты общего вопроса «что делать с бедностью?», представляющей уже глобальную проблему; б) «содержание аллохтонов» – в той же Великобритании за 5 последних лет обосновалось до 110 тыс. нелегалов, на обеспечение которых ежегодно расходуется 5 млрд. долл. Возникает крайне деликатная, просто не решаемая проблема «неокочевников» (Аттали), бесконтрольно прибывающих в Старый и Новый (ситуация в штате Техас на границе с Мексикой) Свет с дальнего Юга и разбалансирующих государственные патронажные программы, ухудшающие положение среднего класса, трудящихся слоёв при вынужденном перераспределении средств на их благоустройство;

– провинциал – приезжающий покорять город полный амбиций активист, переполненный спесью бальзаковского Растиньяка, вступающего в столицу Франции со словами: «Ну, теперь дело между нами».

В подспудье просматривается мотив избранности, как говорил С. Булгаков, – «имманентной (и добавим: авантюрной. – А. Ш.) религии» в собственную счастливую звезду. Вымогательство экзистенциального «чуда», правда, скоро разрушается реалистичным отрезвлением порядка вещей: город – место налаживания «роевой жизни», а не ристалище заложников миссионерских идей;

– коммуникант – «тусовщик», неизбежный постоянный участник массовых мероприятий от разнопрофильных ток-шоу до выставочных перформансов, от флешмоб-акций до демонстраций. Здесь правильно солидаризироваться с психо-

аналитическим подходом, отмечающим наличие бессознательных сил души, движущих нами в обход стандартных понятий сапиента как носителя «рационального». Проявлению исключительно неразумного начала человеческой природы мы обязаны внутренним неререфлективным самозаявлением «массового» человека – толпы, расцениваемым как «душевное заболевание». На последнее указывал наш психиатр В. Кандинский, высказывавший: «История общества представляет ... непрерывный ряд примеров, в которых ... побуждения и стремления ... чувства и идеи охватывают ... массу людей и обуславливают, независимо от воли отдельных индивидуумов, тот или другой ряд одинаковых действий. К таким примерам морального и интеллектуального расстройства, мы совершенно вправе приложить название “душевные эпидемии”»¹.

Естественно, велика тут роль суггестии, без надлежащего установления роли которой многие явления массовой городской жизни не получают не то, что полного, но и, по Бехтереву, – адекватного освещения;

– жизнелюб – человек-праздник, кладущий ресурсы города к подножию развлечений. Жизнелюбие как «чувство жизни» наряду с «языком» и «трудом» Аристотель относил к краеугольным началам человеческой самости. Гиперболизация же жизнелюбия как *cosa sensus* реализует непомерное: заслоняет человеческое гедонистическим (в духе киренской школы), существовать по императивам которого означает утрачивать богообразную причастность «высшему промыслу»;

– потребитель – человек-обладатель, владетель, пользователь, распорядитель не столько сконцентрированных в городе плодов цивилизации, сколько приведённых в свою собственность, что позволяет ему соотносить своё высокое «Я» с привилегией управлять объектами, живыми

¹ Кандинский В. Х. Нервно-психический контагий и душевные эпидемии // Санкт-Петербургская психиатрическая больница св. Николая Чудотворца. К 140-летию. Том III. В. Х. Кандинский. СПб.: КОСТА, 2012. С. 95.

существами, делая их своей принадлежностью [14, с. 83]. Между тем смыслами жизни и жизни в городе не может быть «обладание-потребление»; как показал Хайдеггер, «подручное», «приручённое» существование в модусе *vorhanden-sein*, когда субъект «сидит дома перед телевизором, пьёт кофе с коньяком, а у него ... вся Вселенная на посылах, как золотая рыба», – есть путь вырождения человеческого в человеке [6, с. 451];

– провинциал-городской или даже столичный житель, в полной мере не приобщённый к градоопределяющей коммуникативной традиции, атрибутивному городу интерактивному этосу. Особенность поведения, образа действия, манера общения выдают пришельца. Универсальным маркером провинциализма выступает паралингвистический и лингвистический антураж взаимодействия, в первую очередь – фонация, кинесика, просодия, стилистика, вокализация, визуализация, эвфемизация, эвфония, эвритмия и др. – стойки непосредственно «место человека» связывали с «ролью», – «маской». Панеций учил о 4 основных антропных модификациях, совмещающая их с «человеком», «индивидом», «статусом», «профессией». На деле, отмечает В. Ильин, – «масок – оперативных образно-выразительных символических реализаций человека – много больше» [5, с. 73]. В данном случае утрируется непреодолеваемая сетка признаков, выступающая шлейфом от «особого характера субъекта», проявляющаяся в целостном облике «играния ролей»;

– обыватель – городской апатик, замкнутый в узком кругу вершения бытовых жизнеподдерживающих трудов (на современном казенном языке – пребывающий в состоянии «дожития»). Скорлупа обыденного вяло текущего существовательного процесса предобуславливает отличительные человеческие качества: неуверенность, податливость, суггерендность, несамодостаточность, подражательность, подверженность влиянию внешним воздействиям, суженность кругозора.

Именно эта городская страта – объект манипуляции, агент технологий *brain washing*, внедряющих не критические штампы, стереотипы, мыслеобразы по поводу вещей, которые «нам всем не нужны и которые мы не хотим приобретать»; по поводу «политических деятелей, которых мы никогда бы не избрали ... если бы полностью контролировали себя» [14, с. 68]. Рассчитанные на обольванивание молчаливого обывательского большинства полу-, а то и гипнотические методы, – отмечает Фромм, – представляют «серьёзную угрозу психическому здоровью ... Обрушивающаяся на население реклама с её чисто суггестивными методами ... является одурманивающей. Специфический результат воздействия этих ... методов состоит в том, что они создают атмосферу полузабытья, когда человек одновременно верит и не верит происходящему, теряя ощущение реальности» [14, с. 88];

– индивидуалист – эгоцентрик – потребитель, приспособляющийся потенциал города к удовлетворению частных нужд в духе «все мне должны» и исповедующий асоциальное штирнеровское кредо: «... прочь всякое дело, которое не есть моё дело ... Вы, может быть, думаете, что моим делом по крайней мере должно быть “доброе дело”? Что такое добро? Что такое зло? Ведь моё дело, моя цель – это я сам. Я же – вне добра и зла. Ни то, ни другое не имеет для меня никакого смысла. Для меня нет ничего выше меня» [16, с. 1–2]. Отсюда – отмеченный выше беспринципный аморальный карьеризм в залоге постмодернистского вседозволенного «во что бы то ни стало», подрывающий выкованное в веках критическое убеждение: «человеческое поведение – не одна лишь «игра марионеток» (Кант)» [6, с. 280];

– романтик – не дереализованный романтический герой (типа городских персонажей Достоевского, Белого), но влюблённый в своё место жительства, сросшийся с ним, проросший в него замороженный поклонник одухотворённого топоса-локуса, наделяемого субъектностью. Таков Кенигсберг (с навсегда утверждённым

маршрутом прогулок) для Канта; Москва – для Гиляровского; Вена – для Фрейда; Дублин – для Джойса с тем же субъективно вводимым качеством переживаемых событий.

Психологическое сращение с местопребыванием, где «всё случилось и случается», – источник драмы при выпадении из привычного пространства событий при нежелании и невозможности удовлетвориться ролью изгоя – кочевника в непреодолимой детерриториализации [3];

– фланер – по видимости праздно блуждающий представитель свободных профессий, находящийся в неторопливых, «бесцельных» перемещениях по городу для смены впечатлений источник сюжетов, жизненного опыта, творческого вдохновения, общения. Таковы снимавшие мировую славу гулянья по Люксембургскому, Летнему саду, Тверскому бульвару, Пятигорским бюветам (Лермонтов), набережной Ялты (Чехов) и т. п.

Заключение

На существующую в современном мире систему городов важнейшее влияние оказывает глобализация, в особенности в виде усиления миграционных потоков. Последнее создаёт в городах плотно сбитые инфильтраты – анклавные, сосредоточивающих людей, неинтегрированных в городское целое. Миграция выступает своеобразным «вызовом» «городской цивилизации», на который пока нет чёткого выработанного «ответа».

Урбанизация в условиях усиления миграционных потоков превращается в своеобразную глобальную проблему, стоящую перед человечеством не менее остро, чем загрязнение окружающей среды, предотвращение ядерной войны и т. д. Она обостряет существующие противоречия по линиям Север-Юг, Запад-Восток, требует сбалансированной интернациональной политики.

Статья поступила в редакцию 17.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / пер. А. Боковой. М.: Прагма, 1995. 248 с.
2. Гоффман Э. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология: Тексты / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1984. С. 188–196.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. С. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейа, 1998. 286 с.
4. Ильин В. В. Аксиология. М.: Проспект, 2020. 190 с.
5. Ильин В. В. Теория познания. Символика. Теория символических форм. М.: Московский университет, 2013. 384 с.
6. Ильин В. В. Философия. М.: Проспект, 2018. 479 с.
7. Ильин В. В. Философия кризиса. Человечество на пороге катастрофических перемен. М.: Проспект, 2022. 104 с.
8. Ильин В. В., Панарин А. С., Бадковский Д. В. Политическая антропология. М.: Московский университет, 1995. 254 с.
9. Карпицкий Н. Н. Опыт тела и его судьба в истории культуры // Человек.RU. 2007. № 3. С. 131–163.
10. Мид Дж. Интернализированные другие и самость / пер. А. Гараджи // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1996. С. 224–227.
11. Райх В. Анализ характера / пер. Е. Поле. М.: ЭКСМО-Пресс, 2021. 516 с.
12. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 542 с.
13. Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / пер. Ю. В. Божко. М.: Ренессанс, 1992. 289 с.
14. Фромм Э. «Иметь» или «быть» / общ. ред. В. И. Добренкова. М.: Прогресс, 1990. 330 с.
15. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / пер. Л. Е. Переяславцевой // Нации и национализм. М.: Практис, 2022. С. 364–380.

16. Штирнер М. Единственный и его собственность / пер. И. А. СПб.: Сириус, 1910. 276 с.
17. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / пер. А. М. Боковикова. М.: Прогресс, 1994. 329 с.
18. Halbwachs M. *Classes sociales et morphologie*. Paris: Les Éditions de Minuit, 2022. 461 p.
19. Lasswell H. *The Analysis of Political Behaviour*. London: Paul, Trench, Trubn, 2020. 324 p.
20. Park R. E., Burgess E. W. *Introduction into the Science of Sociology*. Chicago: The University of Chicago Press, 2021. 1040 p.
21. Redfield R. *Human Nature and the Study of Society: The Papers of R. Redfield*. Chicago: University of Chicago Press, 2020. 507 p.

REFERENCES

1. Adler A. *The Practice and Theory of Individual Psychology* (Rus. ed.: Bokovikov A., transl. *Praktika i teoriya individual'noj psikhologii*). Moscow, Pragma Publ., 1995. 248 p.).
2. Goffman E. *The Presentation Self in Every Day Life* (Rus. ed.: *Predstavlenie sebya drugim*. In: Andreeeva G. M., Bogomolova N. N., Petrovskaya L. A., eds. *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psikhologiya: Teksty*. Moscow, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 1984, pp. 188–196).
3. Deleuze G., Guattar F. *Qu'est-ce que la philosophie?* (Rus. ed.: Zenkin S., transl. *Chto takoe filosofiya?* Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ., St. Petersburg, Aleteja Publ., 1998. 286 p.
4. Ilin V. V. *Aksiologiya* [Axiology]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 190 p.
5. Ilin V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form* [Theory of Knowledge. Symbolology. Theory of Symbolic Forms]. Moscow, Moscow University Publ., 2013. 384 p.
6. Ilin V. V. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 479 p.
7. Ilin V. V. *Filosofiya krizisa. Chelovechestvo na poroge katastroficheskikh peremen* [Philosophy of Crisis. Humanity is on the Verge of Catastrophic Change]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 104 p.
8. Ilin V. V., Panarin A. S., Badovsky D. V. *Politicheskaya antropologiya* [Political Anthropology]. Moscow, Moscow University Publ., 1995. 254 p.
9. Karpicky N. N. [The Experience of the Body and Its Fate in the History of Culture]. In: *Chelovek.RU*, 2007, no. 3, pp. 131–163.
10. Mead G. *Internalized Others and the Self* (Rus. ed.: Garadzhi A., transl. *Internalizirovannye drugie i samost'*. In: *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl': Teksty* [American Sociological thought: Texts]. Moscow, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 1996, pp. 224–227).
11. Reich V. *Character-Analysis* (Rus. ed.: Pole E., transl. *Analiz haraktera*. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2021. 516 p.).
12. Sorokin P. *Chelovek. Civilizaciya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 542 p.
13. Freud S. *Introduction to Psychoanalysis* (Rus. ed.: Bozhko Yu. V., transl. *Psihoanaliz. Religiya. Kul'tura*. Moscow, Renessans Publ., 1992. 289 p.).
14. Fromm E. *Haven Oder Sein?* (Rus. ed.: Dobren'kov V. I., ed. *"Imet'" ili "byt'"*. Moscow, Progress Publ., 1990. 330 p.).
15. Habermas J. *Zur Verfassung Europas* (Rus. ed.: Pereyaslavceva L. E., transl. *Evropejskoe nacional'noe gosudarstvo: ego dostizheniya i predely. O proshlom i budushchem suvereniteta i grazhdanstva*. In: *Nacii i nacionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow, Praksis Publ., 2022, pp. 364–380).
16. Stirner M. *Der Einzige und sein eigentum* (Rus. ed.: *Edinstvennyj i ego sobstvennost'*. St. Petersburg, Sirius Publ., 1910. 276 p.).
17. Jung C. G. *Seelenprobleme der gegenwart* (Rus. ed.: Bokovikov A. M., transl. *Problemy dushi nashego vremeni*. Moscow, Progress Publ., 1994. 329 p.).
18. Halbwachs M. *Classes sociales et morphologie*. Paris, Les Éditions de Minuit, 2022. 461 p.
19. Lasswell H. *The Analysis of Political Behaviour*. London, Paul, Trench, Trubn, 2020. 324 p.
20. Park R. E., Burgess E. W. *Introduction into the Science of Sociology*. Chicago, The University of Chicago Press, 2021. 1040 p.
21. Redfield R. *Human Nature and the Study of Society: The Papers of R. Redfield*. Chicago, University of Chicago Press, 2020. 507 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шимко Алексей Владимирович – старший преподаватель кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения;
e-mail: ashimko83@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Shimko – Senior Lecturer, Department of Constitutional and Civil Law, Federal State University of Education;
e-mail: ashimko83@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шимко А. В. Городские антропологические типы // *Современные философские исследования*. 2024. № 2. С. 128–138.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-128-138

FOR CITATION

Shimko A. V. Urban Anthropological Types. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 2, pp. 128–138.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-128-138